

НИКИТА КОЖЕМЯКА

В старые годы появился у Киева страшный змей. Стал змей людишек из города таскать и исть. Утащил змей ненароком даже царскую дочь, но не съил ея, а крепко-накрепко запер в своей берлоге, шток она ему по ночам сказки рассказывала. А у царевны была с собой ручная крыса белая. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку отцу с матерью, привяжет крыске на спинку и пошлёт ея домой, во дворец. Крыса записочку отнесёт и ответ приносить.

Как-то раз царь и царица догадались и пишут царевне: узнай-де от змея, хто ево сильней. И вот рассказывает царевна змею очередную сказку и промежду прочим допытала ево признаться:

– Есть, – говорить змей, – в Киеве Никита Кожемяка, бывший луччий царский стрелок, ён мени посильнея будеть.

Царевна, конечно, тут же сообчила родителям: мол, так и так, вспомните про нашево опальново Никиту Кожемяку, он-то един и можеть мени выручить. Сыскал царь Никиту, а тот, конечно, как всякий уважающий себе опальный стрелок, любил поспать с похмелья. Растолкал ево царь – Никита поначалу испугалси, подумал, чё натворил по пьяни, но царь с царицею стали ево умяляти выташшить дочку из неволи. Кожемяка, конечно, сжалился, прослезился, выторговал бадью протвейна и пошёл искать супостата.

Подходить Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и не выходить.

– А ну, выползай, гад, в чисто поле, а не то всю твою берлогу размечу! – вскричал Кожемяка и стал бревна кругом разбрасывати.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, выполз в чисто поле и завёл с им переговоры. А Никита всё нововил ево придушити. Молит ево змей:

– Оставь мени, Никитушка! Сильнея нас с тобою нико в Европе нету. Разделим ея поровну: ты будишь владеть одною половиною, а я другою.

– Лады, – говорить Никита. – Тады надоть межу проложити, штоб потом разговоров промеж нас не было.

Освободив мимоходом царевну, взял Никита свою соху в триста пудов, запряг в ея змея и стал для ровново щёту от Балтийского моря к югу межу прокладати. Провёл борозду до самово Чёрного моря и говорить змею:

– Землю-то мы разделили, таперь давай море делити, чтоб и о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делити – и тут вогнал Никита змея в Чёрное море, да там ево и утопил – прямо у Балаклавы под Генуэзской крепостью, иде потом аглицкий «Принц» затонул.

Опосля энтово воротился Никита в Киев, стал кожи мяти, за спасенье получил свою бадью, а царевной побрезгал. Про это потом ишо песню сложили – несравненно боле весёлу, чем ту, где ея за борт вышвыривают в набежавшую волну.

Хто тока потом через Кожемякину межу не ходил – так и шастали то туды, то сюды. Долго делила она Европу на лютых врагов, а потом как-то поблекла, и след ея начал теряться. Нету ужо ни царей, ни змеев, ни кожемяк. Непонятно, што чьё – Балканы, Кавказ, Крым, всё перепуталось, где наше, где ихнее. Да уж и мало где границ осталось, а борозда Никитина так до сих пор кое-где по степи видна. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют память о Никите Кожемяке.